

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

XXI ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ESHET)

18–20 мая 2017 г. в Антверпене (Бельгия) под общей темой «Рациональность в экономической теории» прошла XXI Ежегодная конференция Европейского общества истории экономической мысли (ESHET). Около 300 участников представили результаты своих исследований в рамках 59 параллельных сессий. Также программа конференции включала две ключевые пленарные лекции (*Питера Хэммонда* и *Эстер-Мириам Сент*), пленарный доклад почетного члена ESHET *Джозела Мокира* и пленарную лекцию им. Ж.-А. Бланки (*Blanqui lecture*), по традиции прочитанную автором лучшей книги по истории экономической мысли, которым в 2016 г. стал *Франсуа Аллиссон* из Центра Вальраса-Парето в Университете Лозанны (Швейцария)¹.

Профессор университета Уорвика (Великобритания) и почетный профессор Стэнфордского университета (США) *Питер Хэммонд* в ходе своей лекции в первый день работы конференции сделал подробный исторический обзор подходов к микроэкономическому моделированию рационального поведения в условиях неопределенности. Отметив важность формального аппарата и в изучении ситуаций отклонений от рациональных исходов, Хэммонд отдельно остановился на роли так называемых парадоксов Алле и Эллсберга в истории микроэкономики.

Профессор по экономической теории и экономической политике университета Рэдбаунда, воспитанница Кеннета Эрроу, *Эстер-Мириам Сент*, в своей лекции задалась вопросом о взаимной связи и внутренних отношениях понятий рациональности и ограниченной рациональности. В своем обзоре основных концепций экономической рациональности от А. Смита и Дж. С. Милля до Г. Саймона, теории рациональных ожиданий, современной поведенческой экономики и экономических приложений теории игр Сент пришла к выводу о том, что связь между этими двумя понятиями является более сложной, чем может показаться изначально. Во-первых, как понимание ограниченной рациональности зависит от того, как мы понимаем рациональность, так и наоборот: определение рациональности зависит от ограниченной рациональности. Во-вторых, если постулировать ограниченную рациональность агентов экономического действия, то возникает вопрос о том, насколько сами исследователи (наблюдатели) могут обладать совершенно рациональным знанием о действительности, и не являются эти знания также ограниченно рациональными. Тем самым ставя философские и методологические вопросы о взаимосвязи совершенной и ограниченной рациональности исследователя и изучаемых агентов, Сент элегантно проблематизировала концепцию рациональности экономического поведения.

Американо-израильский профессор *Джозел Мокир*, хорошо известный экономистам и историкам в России по серии недавно переведенных книг, изданных Институтом

¹ Весьма примечательно, что отмечена премией была книга, посвященная истории русской экономической мысли в 1890–1920-е гг. и прежде всего «русскому синтезу» трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, или иными словами: объективной и субъективной теории ценности (*Allisson F. Value and prices in Russian economic thought. A journey inside the Russian synthesis, 1890–1920. Oxon; N. Y., 2015*).

Гайдара: (Мокир Д. 1) Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М., 2012; 2) Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М., 2014; 3) Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М., 2017), посвятил свое выступление еще одному экономико-историческому расследованию такого явления истории Запада, как «великое обогащение». В данном истолковании среди американских исследователей (к примеру: Д. Норт, Д. Макклоски) наметился определенный консенсус в том, чтобы связывать переход западного общества к продолжительному экономическому росту не только с изменениями в технологии (индустриальная революция), но по преимуществу с идейными, институциональными, культурными, ценностными изменениями. Переход к обществу нового типа с рыночной экономикой Мокир связал с появлением и развитием рынка идей, на котором также есть ограничения, конкуренция, трансакционные издержки и эффективное равновесие, для которого большее значение играют не цены, но мотивация участников.

Доклады на многочисленных сессионных заседаниях отличались разнообразием предметных областей, включая, помимо традиционных направлений, историю женской экономической мысли, различные этапы развития экономической науки в Китае, теорию и практику экономического дирижизма, эволюцию международной денежной теории и т. д. Несколько сессий, в соответствии с тематикой конференции, были посвящены обсуждению различных аспектов рациональности и иррациональности. Так, оживленную дискуссию вызвали доклады *Джона Дэвиса* (Университет Маркетт, США; Университет Амстердама, Голландия) об империализме современной поведенческой экономики в контексте работ Галера и Санстейна, *Эрвина Деккера* (Университет им. Эразма Роттердамского, Голландия) о феномене экологической рациональности и *В. С. Автономова* (НИУ ВШЭ; ИМЭМО РАН) о разграничении постоянной и переменной рациональности.

Значимое место в программе конференции занимали работы, посвященные истории макроэкономики. Многие авторы традиционно обращались к трудам Кейнса, в очередной раз доказывая неисчерпаемость его научного наследия для экономической теории и социальных наук в целом. К примеру, в докладе *Инго Баренса* (Дармштадтский технологический университет, Германия) были рассмотрены несколько известных критических аргументов Дж. Хикса в адрес «Общей теории...» Кейнса и продемонстрированы их внутренняя противоречивость, а местами и крайне слабая обоснованность. *В. М. Остапенко* (СПбГУ) представил основные вехи в процессе формирования текущего неоклассического консенсуса относительно потенциала кейнсианского дискреционного фискального стимулирования. Вопрос, который был поставлен автором, заключается в том, существуют ли сегодня доказательства внутренней мутации теории фискальной политики в рамках нового неоклассического синтеза.

Сильв Ривот из университета Страсбурга (Франция) в русле своих недавних исследований продолжила анализ исторических корней гипотезы Фридмана–Фелпса. На этот раз она сосредоточилась на эволюции взглядов двух лауреатов Нобелевской премии на концепцию равновесного уровня безработицы и вытекающих из этого прикладных выводов для макроэкономической политики. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает характеристика позитивного отношения Фридмана к рациональным ожиданиям, что могло в случае их эксплицитного введения в его модель еще в 1970-е гг. привести к полной дискредитации знаменитого «денежного правила». *Роберт Диманд* (Университет Брока, Канада) осветил разнообразные интерпретации так называемого «кейнсианского ответа» на аргументацию М. Фридмана из статьи 1968 г. «A Role of Monetary Policy».

Панорама становления мейнстрима экономической науки в XX в. была представлена в совместной работе *Мишеля Де Врё* и *Луки Пенсьеросо* (оба – Католический университет Лёвена, Бельгия). Авторы пришли к выводу о том, что неоклассическая ортодоксия в ее современном виде претерпевает сдвиг в сторону от «чистой теории» к «теории, генерируемой измерениями». Таким образом, подчеркивается возрастающая роль эмпирического инструментария (поведенческая экономика, экспериментальная экономика и т. п.), что, однако, пока не позволяет выходить за рамки математического формализма и строгих микрооснований при разработке соответствующих теоретических моделей.

Отдельная сессия была посвящена наследию одного из первых русских марксистов – Николаю Ивановичу Зиберу (1844–1888). Интеллектуальная биография Н. И. Зибера, которая еще не написана, стала предметом двух докладов: профессора СПбГУ *Л. Д. Широкограда* и коллег из Центра Вальраса и Парето Лозаннского университета: *Ф. Аллиссона* и *Ф. д'Оноффио*. В докладах удалось показать как значение Зибера в качестве одного из последних представителей классической политической экономии, который смог связать учение Рикардо и Маркса, так и продемонстрировать этапы становления его взглядов. *Д. Е. Расков* (СПбГУ) посвятил свое выступление второй, наиболее значимой работе Зибера: «Очеркам первобытной экономической культуры» (СПб., 1883). Обоснованно, что в этой работе Зибер смог во многом развить марксистский подход к архаическим обществам и предвосхитить основные выводы, к которым позднее пришли в дисциплинарной области, которая сегодня именуется «экономическая антропология».

Конференция ESHET, с одной стороны, продемонстрировала многообразие вопросов, которые интересуют современных экономистов и историков. С другой, при всем успехе, широте охвата и вариативности проблематик представленных докладов, во многих выступлениях констатировались достаточно быстрые изменения, происходящие в современной экономической науке и экономическом образовании. Сфера истории экономической мысли все больше маргинализируется, что находит отражение в сокращении часов, курсов, количестве профессорских позиций. В этом смысле, ESHET как общество единомышленников старается не только дать площадку для обмена мнениями и идеями, но и продвинуть и популяризировать историю экономической мысли среди профессоров, студентов и интеллектуального сообщества.

Д. Е. Расков

канд. экон. наук, Санкт-Петербургский гос. университет

В. М. Остапенко

канд. экон. наук, Санкт-Петербургский гос. университет